

Чукреев А.А.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО¹

Аннотация: Статья посвящена основаниям договорной ответственности доверительного управляющего – одному из спорных в доктрине вопросов данного правового института. Непосредственным предметом настоящего исследования являются научные представления об основаниях договорной ответственности доверительного управляющего перед выгодоприобретателем или учредителем управления, а также нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющие указанные основания. Рассматриваются как нормативные акты, регулирующие вопросы доверительного управления, так и судебная практика. Рассматриваются конкретные практические вопросы ответственности доверительного управляющего на основании вины, а также в ее отсутствии. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, прежде всего, – системный и формально-юридический методы. По мнению автора, известная неопределенность категории законного интереса выгодоприобретателя или учредителя управления, использованной в анализируемых положениях ГК для определения границ правомерности поведения доверительного управляющего (п. 4 ст. 209, пп. 1, 2 ст. 1012, абзац 1 п. 1 ст. 1022), обуславливает включение в основания договорной ответственности последних некоторых элементов конструкции имущественной ответственности на началах вины. Поэтому данная ответственность представляет собой своеобразную переходную форму, сочетающую элементы двух видов ответственности – за вину и независимо от вины. Делается вывод о том, что основной недостаток нормативно-правового закрепления оснований договорной ответственности доверительного управляющего состоит не в определении субъективных условий применения соответствующих санкций, а в недостаточной регламентации обязанностей управляющего, границ должной степени заботливости последнего.

Abstract: This article is dedicated to the grounds for contractual responsibility of a trustee as one of the controversial issues within the doctrine of this legal institution. The subject of this research is the scientific concepts on the grounds for contractual responsibility of a trustee before the beneficiary or trustor, as well as the norms of the Civil Code of the Russian Federation that establish these grounds. Both, the normative acts that regulate the issues of fiduciary management, and court rulings are being reviewed. This responsibility represents a unique transitional form, which combines the elements of two types of responsibility: with and without infraction. The author makes a conclusion that the main flaw within the legal norms that establish these grounds for contractual responsibility of a trustee consists not in the definition of subjective conditions of implementing proper sanctions, but in the lack of the regulation of the responsibilities of a trustee and their due level of diligence.

Ключевые слова: Доверительное управление имуществом, доверительный управляющий, основания договорной ответственности, выгодоприобретатель, учредитель управления, вина, заботливость и осмотрительность, договор, убытки, исполнение обязательства.

Keywords: Fiduciary management, trustee, grounds for contractual responsibility, beneficiary, trustor, infraction, diligence, contract, losses, performing duties.

Доверительное управление имуществом для России относительно новый правовой институт, ядро которого составляют положения главы 53, ст. 1012–1026 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) [1]. Причем это ядро с момента его создания не претерпело усовершенствований, несмотря становление и развитие на его основе отношений по доверительному управлению в течение почти двадцати лет.

В соответствии с п. 4 ст. 209 и п. 1, 2 ст. 1012 ГК доверительный управляющий обязуется осуществлять управление имуществом, переданным по договору доверительного управления, в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя), совершая в отношении этого имущества в соответствии с договором доверительного управления любые юридические и фактические действия. При этом законом или договором могут быть предусмотрены ограничения в отношении отдельных действий по доверительному управлению имуществом. Несмотря на последнее

положение, указанные ограничения у нас нередко устанавливаются подзаконными нормативно-правовыми актами (п. 3 Указа Президента РФ от 9 декабря 1996 г. № 1660 «О передаче в доверительное управление закрепленных в федеральной собственности акций акционерных обществ, созданных в процессе приватизации» [2]; п. III Приказа ФСФР России от 3 апреля 2007 г. № 07-37/пз-н «Об утверждении Порядка осуществления деятельности по управлению ценными бумагами» [3]). О том, что доверительный управляющий должен осуществлять полномочия собственника в отношении имущества, переданного в доверительное управление, в пределах, предусмотренных законом и договором, говорит и п. 1 ст. 1020 ГК.

Полномочия доверительного управляющего по распоряжению ценными бумагами определяются, согласно ст. 1025 ГК, в договоре доверительного управления, а особенности доверительного управления ценными бумагами – законом. Но данным особенностям в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» [4] посвящена только одна статья – ст. 5.

В этой связи вполне закономерны упреки многих ученых в адрес отечественного законодателя по поводу отсутствия

¹ Данная работа выполнена с использованием Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

развитой законодательной базы доверительного управления имуществом [5, с. 10, 11, 38, 39, 46, 47 и др.], особенно такого управления ценными бумагами [6, с. 929–933], [7, с. 44], [8, с. 91–100], [9, с. 5–11], [10, с. 34]. Уже давно назрела необходимость принятия федерального закона об особенностях доверительного управления ценными бумагами.

Дискуссии породило и то, как в нормах ГК определены основания договорной ответственности доверительного управляющего перед выгодоприобретателем или учредителем управления. Проанализируем эти нормы.

Согласно первому абзацу п. 1 ст. 1022 ГК доверительный управляющий, *не проявивший при доверительном управлении имуществом должной заботливости об интересах выгодоприобретателя или учредителя управления*, возмещает выгодоприобретателю упущенную выгоду за время доверительного управления имуществом, а учредителю управления убытки, причиненные утратой или повреждением имущества, с учетом его естественного износа, а также упущенную выгоду. К этому второй абзац данного пункта добавляет следующее: «Доверительный управляющий несет ответственность за причиненные убытки, если не докажет, что эти убытки произошли вследствие непреодолимой силы либо действий выгодоприобретателя или учредителя управления».

Первый абзац п. 1 ст. 401 ГК в качестве *общего правила* об основаниях ответственности за нарушение обязательства закрепляет следующее: «Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности». Причем лицо признается невиновным, если при той *степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота*, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства (абзац 2 п. 1 ст. 401 ГК). А отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (п. 2 ст. 401 ГК).

В порядке исключения из указанного выше *общего правила* п. 3 ст. 401 ГК предусмотрел, что лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие *непреодолимой силы*, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Но и из этого правила законом или договором могут быть сделаны исключения.

Буквальное толкование процитированных правовых норм об основаниях ответственности за нарушение обязательства позволяет сделать два основных вывода.

Во-первых, п. 1 ст. 1022 ГК определяет основания ответственности доверительного управляющего только в форме возмещения *убытков*, в отношении других форм гражданско-правовой ответственности здесь применимы положения ст. 401 ГК. Причем состав *реального ущерба* ограничен *убытками, причиненными утратой или повреждением имущества*, с учетом его естественного износа; «расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права» (о которых как о разновидности реального ущерба также упоминает п. 2 ст. 15 ГК), взысканию здесь не подлежат [6, с. 917–919]. И данное ограничение принципа полного возмещения убытков

не избежало критики ученых [9, с. 10], [11, с. 20], особенно такой подход неадекватен сфере доверительного управления *ценными бумагами* [12, с. 70–77].

Во-вторых, абзац 2 п. 1 ст. 1022 ГК закрепляет *специальную норму* об основаниях освобождения доверительного управляющего от ответственности в форме возмещения *убытков* перед выгодоприобретателем или учредителем управления, – от такой ответственности управляющего не освободит доказывание им своей *невиновности* вообще (как это предусмотрено общими положениями п. 1 и 2 ст. 401 ГК). С другой стороны, не только невозможность надлежащего исполнения обязательства вследствие *непреодолимой силы* может избавить его от возмещения убытков (как по п. 3 ст. 401), но и подтверждение того, что эти убытки вызваны *действиями выгодоприобретателя или учредителя управления*. То есть для доверительного управляющего, который выступает в качестве лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, п. 1 ст. 1022 ГК закрепляет *исключение* из закрепленного п. 3 ст. 401 ГК *общего* (для предпринимателей) правила об ответственности за нарушение обязательства *независимо от вины* [6, с. 919, 920], [13, с. 21].

При этом определение п. 1 ст. 1022 ГК оснований ответственности доверительного управляющего не ставится в зависимость от того, при осуществлении *предпринимательской деятельности* или вне связи с таким осуществлением, управляющим нарушено соответствующее обязательство. Хотя, согласно п. 1 ст. 1015 ГК, доверительный управляющий, кроме случаев, когда доверительное управление имуществом осуществляется по основаниям, предусмотренным *законом*, должен быть индивидуальным предпринимателем или коммерческой организацией (за исключением унитарного предприятия). В случаях, когда доверительное управление имуществом осуществляется по основаниям, предусмотренным *законом*, доверительным управляющим может быть гражданин, не являющийся предпринимателем, или некоммерческая организация, за исключением учреждения; и это целый ряд случаев: доверительное управление имуществом подопечного – ст. 38 ГК, совершеннолетнего дееспособного гражданина при патронаже – п. 3–5 ст. 41 ГК, гражданина, признанного безвестно отсутствующим, – п. 1 и 2 ст. 43 ГК, наследственным имуществом – п. 6 ст. 1171, ст. 1173 ГК. Конечно, разница между ситуациями, в которых доверительный управляющий выступает в качестве субъекта предпринимательской деятельности, и случаями, когда он в таком качестве не выступает, очевидна.

В связи с этим не случайно в нашей доктрине получило распространение мнение о том, что в данном случае ответственность доверительного управляющего – *предпринимателя* – должна наступать *независимо от вины*, а доверительного управляющего – *не предпринимателя* – *на условиях вины* [10, с. 36], [14, с. 701], [15, с. 416]. Хотя этот тезис в последней его части (про ответственность *за вину*) и не основан на букве закона.

Очевидно, законодатель заложил возможность дифференциации в соответствующих целях таких ситуаций – *предпринимательского* либо *непредпринимательского* (чисто потребительского) доверительного управления – в формулировке абзаца 1 п. 1 ст. 1022 ГК, где говорится о необходимости оценки проявления доверительным управляющим «должной заботливости об интересах выгодоприобретателя или учредителя управления».

Между тем, многие ученые усмотрели наличие внутреннего противоречия в п. 1 ст. 1022 ГК [9, с. 10], [10, с. 35, 36], [14, с. 701], [16, с. 122].

С одной стороны, абзац 1 данного пункта говорит о необходимости проявления «при доверительном управлении имуществом должной заботливости об интересах выгодоприобретателя или учредителя управления», что явно корреспондирует абзацу 2 п. 1 ст. 401 ГК, закрепляющему в качестве критерия отграничения виновности от невиновности *степень заботливости и осмотрительности, какая требовалась от должника по характеру обязательства и условиям оборота*.

С другой, абзац 2 п. 1 ст. 1022 ГК предусмотрел освобождение доверительного управляющего от возмещения *убытков* выгодоприобретателю или учредителю управления в случаях невозможности надлежащего исполнения обязательства вследствие *непреодолимой силы* либо *действий выгодоприобретателя или учредителя управления*. А это уже, пусть отчасти, корреспондирует п. 3 ст. 401 ГК об ответственности независимо от вины предпринимателей.

С обоснованной критикой распространенного мнения о наличии внутреннего противоречия в п. 1 ст. 1022 ГК выступил В. В. Витрянский [6, с. 915–920].

Однако известная неопределенность категории *законного интереса*, использованной в анализируемых положениях ГК для определения границ *правомерности* поведения должника (п. 4 ст. 209, п. 1, 2 ст. 1012, абзац 1 п. 1 ст. 1022), обуславливает, на наш взгляд, включение в основания договорной ответственности доверительного управляющего перед выгодоприобретателем или учредителем управления некоторых элементов конструкции имущественной ответственности *на началах вины*.

Во-первых, абзац 2 п. 1 ст. 401 ГК, закрепляя критерии отграничения виновности от невиновности, говорит о *степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от должника по характеру обязательства и условиям оборота*, во взаимосвязи с оценкой тех мер для надлежащего исполнения обязательства, которые должник *принял*. Должник невиновен, если *принял* все такого рода меры, которые обязан был (и мог) принять. И здесь (по общим нормам) и в анализируемых отношениях (по нормам специальным – о доверительном управлении) эта *степень должного* – критерий установления *противоправности*, границ *правомерности* поведения, в том числе доверительного управляющего. Однако данным критерием оценка вины (невиновности) не может быть ограничена и не ограничивается: и абзац 2 п. 1 ст. 401 ГК, и абзац 1 п. 1 ст. 1022 ГК требуют оценки *проявления* должником *должной степени заботливости (и осмотрительности)* – оценки того, *принял* он все меры для *надлежащего* исполнения обязательства (которые мог и обязан был принять) или *не принял*.

Во-вторых, абзац 2 п. 1 ст. 1022 ГК по кругу оснований освобождения от ответственности за нарушение обязательства *шире*, чем п. 3 ст. 401 ГК, так как добавляет к *непреодолимой силе* еще одно основание такого рода – *действия выгодоприобретателя или учредителя управления*. В цивилистике традиционно выделяют два вида оснований освобождения от гражданско-правовой ответственности – *случай (casus, casus minor)* и *непреодолимую силу (vis major, casus maior)*. При этом обычно ответственностью *независимо от вины* считается та, освободить от которой может только действие *непреодолимой силы* (п. 3 ст. 401 ГК). Это, можно сказать, «аб-

солютная» имущественная ответственность в чистом виде. Однако, законодатель нередко дополняет *непреодолимую силу* в качестве основания освобождения от гражданско-правовой ответственности *независимо от вины* другими основаниями: *определенные свойства вещи, о которых профессиональный хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать*, либо *умысел* или *грубая неосторожность* поклажателя (п. 1 ст. 901 ГК); *грубая неосторожность* потерпевшего и *отсутствие вины* причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает *независимо от вины* (п. 2 ст. 1083 ГК), и др. Правда, и такие «смешанные» конструкции у нас принято относить к ответственности *независимо от вины* [17, с. 678–682], [18, с. 78–85]. Вместе с тем, это уже скорее определенные переходные формы, комбинирующие элементы двух видов ответственности – *за вину* и *независимо от вины* – в их чистом виде.

С одной стороны, В. В. Витрянский приходит к выводу о том, что в анализируемом договоре не должен определяться конкретный набор действий управляющего, «иначе будет утрачен отличительный признак этого договора: осуществление доверительным управляющим в пределах, предусмотренных законом и договором, правомочий собственника в отношении имущества, переданного в доверительное управление. Учредитель доверительного управления имеет возможность повлиять на круг возможных действий доверительного управляющего лишь косвенным образом, исключив или ограничив его отдельные правомочия либо определив пределы их осуществления» [6, с. 902]. С другой стороны, З. Э. Беневоленская, сравнивая российский правовой институт доверительного управления с английским трастом (*trust*), пишет о первом, что он «стремится совместить несовместимое: обязательственно-правовой характер регулирования и общедозволительный характер деятельности одной из сторон данного обязательства, тогда как общедозволительный режим деятельности в отношении имущества предоставляет только вещное право (право собственности собственности, право хозяйственного ведения)» [5, с. 65].

Как известно, *законный интерес*, который не объективирован в позитивном праве, не закреплён юридически в виде *субъективного права*, сопряжен с высоким риском того, что он может быть не понят или понят неправильно либо просто проигнорирован теми, кто не является его носителем. Здесь уместно будет процитировать А. В. Малько и В. В. Субочева: «...если по отношению к существованию субъективных прав распространяется «презумпция знания», заключающаяся в том, что контрсубъекты обязаны знать и уважать права другого, зафиксированные в законе, а их незнание не освобождает от ответственности за нарушения последних, то по отношению к законным интересам справедливым будет говорить о существовании «презумпции незнания»...» [19, с. 283].

Конечно, регламентация обязанностей управляющего возможна в соответствующих договорах. И на конкретизацию прав и обязанностей именно в договоре настраивает здесь сторон обязательства законодатель. Но у нас на практике в силу особенностей правовой культуры или злого умысла одной из сторон, если такая конкретизация и происходит, то зачастую не в интересах выгодоприобретателя или учредителя управления [8, с. 95]. В связи с этим возникает, в частности, проблема *конфликта интересов*. И решение

данной проблемы в сфере доверительного управления не обеспечено в должной мере российским законодательством, на что указывают многие ученые [5, с. 37–39], [8, с. 95, 96], [9, с. 8, 10], [20, с. 76–82].

В заключение можно прийти к выводу, что основной недостаток нормативно-правового закрепления у нас оснований договорной ответственности доверительного управляющего перед выгодоприобретателем или учредителем управления состоит не в определении субъективных условий применения соответствующих санкций, а в недостаточной регламентации обязанностей управляющего, границ *должной степени заботливости* последнего. Особенно остро нехватка установления таких границ проявляется в сфере доверительного управления

ценными бумагами, на что указывают многие ученые [8, с. 92–97, 99], [9, с. 7–11].

Договорная ответственность доверительного управляющего представляет собой своеобразную переходную форму, сочетающую элементы двух подходов к конструированию имущественной ответственности – на *началах вины* и *независимо от вины*.

На наш взгляд, необходимости дифференцировать субъективные условия договорной ответственности доверительных управляющих в зависимости от их правового статуса – предпринимательского или непредпринимательского – нет. А вот унификация таких условий для всех форм данной ответственности (возмещение убытков, взыскание неустойки и т.п.), полагаем, требуется.

Библиография:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ). – 1994. – № 32. – Ст. 3301. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 декабря 1996 г. № 1660 «О передаче в доверительное управление закрепленных в федеральной собственности акций акционерных обществ, созданных в процессе приватизации» // СЗ. – 1996. – № 51. – Ст. 5764.
3. Приказа Федеральной службы по финансовым рынкам от 3 апреля 2007 г. № 07-37/пз-н «Об утверждении Порядка осуществления деятельности по управлению ценными бумагами» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 26.
4. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.
5. Беневоленская З. Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 282 с.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2004. – 1055 с.
7. Михеева Л. Ценные бумаги и денежные средства как объекты доверительного управления // Хозяйство и право. – 1998. – № 9. – С. 41–46.
8. Селивановский А. С. Некоторые проблемы доверительного управления ценными бумагами // Московский юрист. – 2012. – № 2. – С. 91–100.
9. Ясус М. В. Добросовестное доверительное управление ценными бумагами в современной России в отсутствие единого федерального закона: миф или реальность // Законодательство и экономика. – 2010. – № 8. – С. 5–11.
10. Самигулина А. В. Особенности доверительного управления ценными бумагами // Право и экономика. – 2014. – № 5. – С. 33–37.
11. Гордеева Н. Г. Ответственность сторон по договору доверительного управления имуществом // Юрист. – 2009. – № 11. – С. 19–25.
12. Ясус М. О необходимости установления специальной ответственности за нарушение законодательства о ценных бумагах // Хозяйство и право. – 2011. – № 5. – С. 70–77.
13. Витрянский В. В. Особенности ответственности за нарушение «предпринимательского» договора // Журнал российского права. – 2008. – № 1. – С. 20–26.
14. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 848 с.
15. Гражданское право: учебник. – Том II / под ред. О. Н. Садикова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2006. – 608 с.
16. Хромушин С. В. Доверительное управление в качестве профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг (правовые аспекты). – Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2000. – 180 с.
17. Гражданское право: учебник: в 3 т. – Т. 1. – 6-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 776 с.
18. Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВВШ МВД РФ, 1997. – 136 с.
19. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 359 с.
20. Селивановский А. С. Управляющий на рынке ценных бумаг: конфликт интересов // Закон. – 2011. – № 12. – С. 76–82.

References (transliterated):

1. Benevolenskaya Z. E. *Doveritel'noe upravlenie imushchestvom v sfere predprinimatel'stva*. – SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2002. – 282 s.
2. Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga tret'ya: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug*. – M.: Statut, 2004. – 1055 s.
3. Mikheeva L. Tsennye bumagi i denezhnye sredstva kak ob'ekty doveritel'nogo upravleniya // *Khozyaistvo i pravo*. – 1998. – № 9. – S. 41–46.
4. Selivanovskii A. S. Nekotorye problemy doveritel'nogo upravleniya tsennymi bumagami // *Moskovskii yurist*. – 2012. – № 2. – S. 91–100.
5. Yasus M. V. *Dobrosovestnoe doveritel'noe upravlenie tsennymi bumagami v sovremennoi Rossii v otsutstvie edinogo federal'nogo zakona: mif ili real'nost'* // *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. – 2010. – № 8. – S. 5–11.
6. Samigulina A. V. Osobennosti doveritel'nogo upravleniya tsennymi bumagami // *Pravo i ekonomika*. – 2014. – № 5. – S. 33–37.
7. Gordееva N. G. Otvetstvennost' storon po dogovoru doveritel'nogo upravleniya imushchestvom // *Yurist*. – 2009. – № 11. – S. 19–25.
8. Yasus M. O neobkhodimosti ustanovleniya spetsial'noi otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o tsennykh bumagakh // *Khozyaistvo i pravo*. – 2011. – № 5. – S. 70–77.

9. Vitryanskii V. V. Osobennosti otvetstvennosti za narushenie «predprinimatel'skogo» dogovora // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2008. – № 1. – S. 20–26.
10. Khromushin S. V. Doveritel'noe upravlenie v kachestve professional'noi deyatel'nosti na rynke tsennykh bumag (pravovye aspekty). – Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. – M., 2000. – 180 с.
11. Dmitrieva O. V. Otvetstvennost' bez viny v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie. – Voronezh: Izd-vo VVSh MVD RF, 1997. – 136 s.
12. Mal'ko A. V., Subochev V. V. Zakonnye interesy kak pravovaya kategoriya. – SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. – 359 s.
13. Selivanovskii A.S. Upravlyayushchii na rynke tsennykh bumag: konflikt interesov // Zakon. – 2011. – № 12. – S. 76–82.